

Григорий Неделько

Вам очень идёт

Григорий Андреевич Неделько

Вам очень идёт

Текст предоставлен правообладателем

Вам очень идёт: 2009

Аннотация

Одна затерянная где-то в лесах деревушка отличалась странными обычаями. В частности, жившие там, достигшие шестнадцати лет девушки, которые воспитывались в духе крайнего послушания и стеснения, в свой день рождения ели до отвала. Не то чтобы они хотели, просто такова была традиция. А затем, одни, шли в глухой лес по петлявшей между деревьями тропке. Отовсюду раздавался свист – это женихи подзывали молодухек. Кого девица найдёт, тот и станет её суженым. Но в случае Стефани, которой порядком поднадоели старые устои, никакого свиста не было. Зато был кто-то высокий и полупрозрачный, совсем не похожий на обыкновенного человека, – тот, кто должен круто изменить её жизнь в самом скором времени...

Григорий Неделько

Вам очень идёт

– Пап, я не хочу этого делать.

– А что ты хочешь? Попрать наши многолетние традиции?

– Традиции... Они мне никогда не нравились. Ну почему я должна...

– Что-то ты раздухарилась. Ешь давай.

Отец пододвинул к ней тарелку с блинами.

Стефани взяла блин, окунула его в желе и откусила небольшой кусочек. Скривилась. Нет, блины были вкусные – хотя и холодные. Но со вчерашнего дня у девушки начисто пропал аппетит, а также разговорчивость и либидо.

– Пап...

Отец молчал и, как кролик, жевал свою зелень.

– Пап...

– Наедайся.

– Па...

– *Молча.*

Стефани ссутулилась и уткнулась носом в банку с молоком.

– Будешь молоко? Налить?

– Нет, – буркнула Стефани.

Отец снял крышку и налил в большой прозрачный стакан молока. До краёв. Взял из горы булочек две наиболее толстые

и положил перед Стефани.

Девушка отвернулась. На её лице было написано презрение к глупым обычаям, а в руке она держала булочку...

Трапеза закончилась в тот миг, когда Стефани почувствовала: больше она не запихнёт в себя ни одной булочки. Или блина. Или куска жареной рыбы. Или бутерброда с копчёным мясом.

Отец набил рот петрушкой и кинзой и сказал:

– Фставай. Пофли.

– Что?

Отец двигал челюстями, не останавливаясь ни на секунду. Теперь он напоминал удручённого чем-то быка.

Что могло его удручить, Стефани не представляла. Зато прекрасно знала, почему она сама чувствует себя отвратительно. Несмотря на лето, на тёплое, но нежное солнце, и на лёгкий и прохладный ветёрок. Мир мстил ей за что-то, и она не понимала, за что.

Отец схватил со стола салатный листок, веточку укропа и ткнул Стефани в бок локтём. Погружённая в свои мысли, к тому же не слишком светлые, девушка вернулась в реальность, точно вынырнула из-под воды. Она споткнулась, зашаталась и, конечно, упала бы. Всё к тому и шло, ведь день был словно создан для таких случайностей.

Но сухая и твёрдая рука отца схватила её за локоть.

– Я хочу, чтобы ты вступила во взрослую жизнь целой.

– А я не хочу, не хочу туда вступать!

– Придётся, все когда-то вступают.

– Все дураки, слышишь? – Она обернулась и закричала: – Дуу-раа-кии! – Стефани впервые так громко и яростно выражала свои чувства и не могла остановиться.

Отец похрустел листиком салата, и на этом запасы зелени иссякли.

– Вперёд!

Он хлопнул её по попке. Стефани едва не налетела на куст дикой малины.

– Это всё старые веяния! – крикнула она, на этот раз не оборачиваясь.

– Предложи новые.

– Я уже говорила...

– Мне это неинтересно. – Отец начал злиться. – Иди.

Стефани не двигалась места. Она стояла и смотрела на деревья, на траву, на кустарники. Вот пролетела, слева направо, ворона и села на ветку разлапистого дерева. Раздался шорох, и из куста выскочила белка; семена крошечными рыжими лапками, она взобралась по стволу старого дуба и скрылась в дупле. Мошкара кружила стаями. Два комара заметили Стефани. Они сели на пухленькую ручку и приготовились к атаке.

Ладонь второй пухленькой ручки опустилась на них с громким шлепком.

– Да хватит уже...

Отец не выдержал, пихнул дочку, и Стефани, вскрикнув, очутилась в лесу.

...Она шла по еле заметной тропке и размышляла. Эту дорожку проложили сотни таких же, как она. Но откуда она знала, куда идти? Может быть, кто-то этому и удивлялся, но только не сама Стефани.

Шестнадцать лет она жила в деревне, которую основали её предки. И, получается, все жители были её родственниками. Стефани, в отличие от многих, не сторонилась новых книг и новых знаний. Она познакомилась с худым, но немножко нервным молодым человеком по имени Джон. Он носил очки и потрёпанную рубашку. Он ничего к ней не испытывал, да и Стефани Джон был неинтересен. Но они стали приятелями, много разговаривали о науке, о городе, о будущем. То есть, это он рассказывал ей о науке, о городе и о будущем, а Стефани, без особого удовольствия, посвящала его в обычаи деревенской жизни. Джона утомила городская жизнь, Стефани – жизнь в деревне, и они охотно поменялись бы местами... если бы это было возможно. Пока же им оставалось только разговаривать и мечтать. Джон приносил пыльные потрёпанные книжки, а Стефани – бабушкины рецепты. И те, и другие были написаны на толстой жёлтой бумаге. Они обменивались «рукописями», и потом каждый уходил в свой мир.

И Стефани хорошо понимала, что её мир находится

не в деревне.

Но что она могла сделать? Ей не повезло, и она родилась девочкой. Какой смысл грустить об этом? Зачем изводить себя мыслями о том, что неспособен изменить? К тому же она была дочкой старосты. Она могла сколько угодно презирать старые правила, ненавидеть их, но выбора у неё не было. Отца она тоже ненавидела, но в глубине души – уважала, а оттого ненавидела ещё больше. Она была безвольна и бессильна, и она смирилась с этим. Стефани не хотела подчиняться правилам, но ей не доставало смелости признаться себе в этом. Только сегодня её протест вырвался наружу. И разве это что-нибудь изменило?

Она не могла изменить саму себя, что уж говорить о других.

Стефани отодвинула утыканную иголками, пушистую ветку. Идти, идти вперёд, вглубь леса, и не останавливаться. Потому что, если остановишься, сделать *это* себя уже не заставишь. И тогда...

Она выкинула из головы мысли об отце и стала думать о себе.

Себя она ненавидела не меньше. У неё не было на это особенных причин, но разве это кому-то когда-то мешало? Если очень захотеть, то всё получится. И ты убедишь себя в том, что тебе противны собственные пухленькие ручки и ножки. А «осиная» талия – где она? В книгах и журналах у всех *настоящих* красавиц «осиная» талия. Руки? Некрасивые. Гла-

за? Недостаточно большие. Её губы не пробуждают в мужчинах желания. Зубы неровные. А уж грудь и бёдра...

Примерно так убеждала себя Стефани. В том, что она непривлекательная, неженственная и чуть ли не уродина. Долго и упорно она убеждала себя, и это принесло плоды. У Стефани был талант оратора. Она об этом не подозревала, а потому ничто не помешало ей навесить на себя ярлык «Некрасивая». Никто ей не возразил. В деревне, где жила Стефани, женщины были всего лишь довеском к мужчинам. Пока мужчина руководил судьбой, женщины, вплоть до свадьбы, тихо сидели по домам, убирались и вышивали платочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.